
**XII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ МИР:
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРОАЗИАТСКОГО ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА»**

Гаспарян В.З.

ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»

dissovet.fismo@kubsu.ru

**РОССИЯ, ИРАН, ТУРЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

***Аннотация:** в статье анализируется интенсификация геополитического сотрудничества России, Турции и Ирана в процессе урегулирования Ближневосточного конфликта. Особое внимание уделено факторам формирования данного курса и их влияния на его перспективу.*

***Ключевые слова:** «Московский триумвират», исторические и геополитические аналоги, «стратегический треугольник», факторы влияния, внешнеполитические противоречия.*

В декабре 2016 г. в Москве состоялись переговоры министров иностранных дел и обороны России, Ирана и Турции, посвященные проблеме дальнейшего урегулирования сирийского конфликта. Усиление регионального влияния данных государств в ходе борьбы с ИГИЛ¹ и прочими террористическими формированиями стало причиной активных дискуссий представителей экспертного сообщества о перспективах возникновения нового геополитического альянса, получившего название «Московского триумвирата».

Переход данной идеи из разряда гипотез в политическую реальность, на первый взгляд может показаться беспрецедентным, однако она имеет свои исторические и геополитические аналоги. Еще в 1896 г. крымско-татарский идеолог пантюркизма и джадидизма И. Гаспринский выдвигал идею позитивного и взаимовыгодного сближения Персии, Турции и России, посредством создания военно-морских баз Петербурга в Средиземном море и вблизи Индийского океана, а также распространения влияния царского правительства на внутреннюю политику восточных империй².

В качестве геополитического аналога коллективного взаимодействия группы восходящих держав, выступает выдвинутая Е.М. Примаковым в 1996 г. концепция «стратегического треугольника» России, Индии и Китая (РИК), также имевшая очевидную антизападную направленность, не декларируемую официально³. В наши дни широко распространено мнение о противоречивости и ситуативности данной идеи, выдвижении ее в качестве аргумента политико-дипломатического противостояния, развернувшегося на фоне очередного обострения Югославского кризиса. Очевидно, что проект «стратегического треугольника» Москвы, Анкары и Тегерана представляет собой ее адаптированную и минимизированную версию.

Исследование перспектив указанной концепции требует выявления совокупности политико-дипломатических и историко-культурных факторов, оказывающих на нее влияние. Их можно классифицировать по нескольким направлениям, причем характерной особенностью большинства из них выступает определенный баланс проблем и преимуществ, обеспечивающий дуализм конфликта и сотрудничества в рамках трехстороннего формата.

Сложная история взаимных отношений. Ее наиболее ярким и лаконичным показателем выступает общее число крупных военных конфликтов трех государств – более 25. С другой стороны, ретроспективный обзор имперского прошлого Москвы, Анкары и

¹ Запрещенная организация на территории Российской Федерации.

² Гаспринский И. Россия и Восток. Казань, 1993. С. 127.

³ Примаков Е.М. Мир без России? М., 2009. С. 194.

Тегерана позволяет сделать вывод об определенной схожести их исторических судеб как создателей великих держав. В XX в. они трансформировались в крупные национальные государства, утратив часть территорий, которыми прежде управляли, однако имперское прошлое не было отвергнуто жителями данных стран, оставшись частью их генетического кода. Внутривосточные трансформации конца XX в. привели к выдвиганию идентичности в качестве основного концепта внешнеполитического курса трех стран, при неуклонном росте влияния религиозных идей, подтверждающего предположение С. Хантингтона о «Реванше Бога» в сфере международных отношений¹. Данное обстоятельство периодически указывает правящим классам Москвы, Тегерана и Анкары дорогу к взаимопониманию, к интуитивному осознанию поведения и опасений конкурентов, провоцируя быстрые переходы от конфликтов к сотрудничеству.

Культурная идентификация. Один из основателей цивилизационного подхода к изучению исторического процесса, Н.Я. Данилевский, еще в середине XIX в. высказывал мысль о том, что формирование долговременных и устойчивых геополитических альянсов возможно лишь при наличии общей идейно-культурной основы стран-участниц². В данном случае в ее роли могло бы выступить понятие консервативных ценностей, но в каждой из стран оно имеет совершенно уникальное определение и смысл, вследствие различия господствующих религиозных концепций. Важным фактором выступает выдвигание участниками «стратегического треугольника» собственных культурно-идеологических проектов, основанных на их стремлении стать полюсами притяжения соседних народов. Это и идея «Иранского культурного континента», и распространение концепции «Русского мира», и воссоздание пантюркистских устремлений Анкары. Обзор карты предполагаемого распространения проектов позволяет отметить в качестве основной точки их пересечения Республику Азербайджан, характеризующую этнолингвистической близостью к Турции, долговременным совместным проживанием с российским народом в рамках единого государства, а также связанную с Ираном общим имперским прошлым и религиозной идентичностью. По мнению А.Г. Дугина, озвученного на международной конференции «Ось Москва-Баку», Азербайджан способен гармонизировать отношения Москвы, Тегерана и Анкары, играя балансирующую роль в регионе³. От успешности выполнения им данной исторической миссии во многом будет зависеть конфигурация культурно-дипломатических отношений членов триумвирата.

Внешнеполитические противоречия. Важная роль данного фактора обусловлена необходимостью сохранения своего влияния в традиционных сферах интересов и опасениями по поводу расширения активности конкурентов в обширном регионе, концептуализированном З. Бжезинским как «зоны нестабильности», объединяющей 25 стран с населением более 500 млн. человек⁴. В частности, в Сирийском конфликте цели Ирана состоят в сохранении режима власти алавитского меньшинства в Дамаске и восстановлении разорванной с началом войны «Шиитской Дуги», предполагающей дальнейшее усиление позиций Тегерана на Ближнем Востоке. Для Турции потенциальной задачей остается свержение режима Башара Асада и установление контроля над северо-западными территориями Сирии. Россия стремится к сохранению светского характера власти в Дамаске и обеспечению дальнейшего функционирования собственных военных баз в Тартусе и Хмеймиме⁵. Несоответствие внешнеполитических задач, усугубленное дефицитом взаимного доверия должно компенсироваться формированием стратегии, обеспечивающей баланс успехов и потерь для каждого из участников трехстороннего формата. Основой для

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2014. С. 138.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Москва, 2002. С. 119.

³ Ось Москва-Баку: к новой геополитике Кавказа. URL: <http://moskva-baku.ru> (дата обращения: 03.10.2017).

⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2014. С. 78.

⁵ Багдасаров С.А. Ближний Восток: вечный конфликт. М., 2016. С. 134.

геополитического взаимодействия трех стран в Сирийском конфликте выступает их общая заинтересованность в сохранении формального территориального единства данного государства, с целью предотвращения формирования курдского территориально-политического образования, ослабляющего позиции правительства Башара Асада, угрожающего территориальной целостности Анкары и Тегерана, а также предполагающего значительное усиление американских позиций, совершенно невыгодное для Москвы.

Взаимоотношения с крупными региональными игроками. Формирование трехстороннего формата взаимодействия происходило на фоне нарастания в ближневосточном пространстве антизападных настроений, провоцируемых противоречивостью политики США. Однако, курс на антиамериканизм как основу сближения «стратегического треугольника» представляется ограниченным и бесперспективным, вследствие разнонаправленности интересов его участников в отношениях с Вашингтоном и необходимости учитывать сохранение влияния США на столь важных игроков, как Израиль и Саудовская Аравия. Позиция Иерусалима, заинтересованного в развитии широкоаспектного сотрудничества с Россией и, отчасти, с Турцией, противостоит попыткам усиления регионального влияния Ирана и его прорыва к Средиземному морю. В сложившейся обстановке в роли ситуативного союзника Израиля выступает Саудовская Аравия. Тесная взаимосвязь турецкой и саудовской элит, подкрепленная возросшим интересом Эр-Рияда к налаживанию конструктивного взаимодействия с российским руководством, противопоставлена резкому антагонизму с Ираном, усугубленному разрывом их дипломатических отношений¹. Перспектива посредничества Москвы и Анкары в процессе формирования конструктивной повестки взаимоотношений Тегерана с Иерусалимом и Эр-Риядом способна переформатировать систему безопасности Ближнего Востока, но затруднена, вследствие остроты их региональных противоречий. Важным драйвером сближения позиций членов «стратегического треугольника» выступает Катар. Инвестиционные проекты эмирата в России и Иране, подкрепленные военным сотрудничеством Дохи и Анкары направлены на минимизирование регионального влияния Саудовской Аравии и поражение контролируемых ей вооруженных группировок в опорных геостратегических пунктах. Тем не менее, сотрудничество с Катаром в рамках четырехстороннего формата не исключает необходимости интенсификации диалога России, Ирана и Турции с вышеуказанными государствами и перспективы трансформации «треугольника» в фигуру с большим количеством сторон и вершин.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что основой для геополитического взаимодействия Москвы, Анкары и Тегерана выступает временное сближение их интересов, обусловленное совокупностью внутренних и внешних факторов. Большое количество проблем предопределяет ограниченность и ситуативность курса на расширение сотрудничества и потенциальную конфликтогенность отношений внутри «стратегического треугольника». Однако сохранение консенсуса и взаимозаинтересованности политических элит позволяет прогнозировать выполнение им ряда первостепенных региональных задач. В их число входят уничтожение заведомо неприемлемого актора межгосударственных взаимоотношений – ИГИЛ и взаимовыгодное решение проблемы курдского самоопределения. Интересы России должны учитывать перспективу распада триумvirата и необходимость перехода к выстраиванию конструктивных многоуровневых отношений с Ираном и Турцией в двустороннем формате.

¹ Сатановский Е.Я. Котел с неприятностями. Ближний Восток для «чайников». М., 2017. С. 87.

Литература:

1. *Багдасаров С.А.* Ближний Восток: вечный конфликт. Москва, 2016.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. Москва, 2014.
3. *Гаспринский И.* Россия и Восток. Казань, 1993.
4. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Москва, 2002.
5. *Примаков Е.М.* Мир без России? Москва, 2009.
6. *Сатановский Е.Я.* Котел с неприятностями. Ближний Восток для «чайников». М., 2017.
7. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2014.
8. *Ось Москва-Баку: к новой геополитике Кавказа.* URL: <http://moskva-baku.ru> (дата обращения: 03.10.2017).

References:

1. *Bagdasarov S.A.* Blizhnii Vostok: vechnyi konflikt. Moskva, 2016.
2. *Bzhezinskii Z.* Velikaia shakhmatnaia doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy. Moskva, 2014.
3. *Gasprinskii I.* Rossiia i Vostok. Kazan', 1993.
4. *Danilevskii N.Ia.* Rossiia i Evropa. Moskva, 2002.
5. *Primakov E.M.* Mir bez Rossii? Moskva, 2009.
6. *Satanovskii E.Ia.* Kotel s nepriiatnostiami. Blizhnii Vostok dlia «chainikov». Moskva, 2017.
7. *Khantington S.* Stolknovenie tsivilizatsii. Moskva. 2014.
8. *Os' Moskva-Baku: k novoi geopolitike Kavkaza.* URL: <http://moskva-baku.ru> (data obrashcheniia: 03.10.2017).

RUSSIA, IRAN, AND TURKEY: PROBLEMS AND PROSPECTS OF GEOPOLITICAL INTERACTION

Gasparyan V.Z.
Kuban State University
dissovet.fismo@kubsu.ru

Abstract: *The article analyzes the intensification of geopolitical cooperation between Russia, Turkey and Iran in the settlement of the Middle East conflict. The author pays special attention to the factors shaping this course and their impact on its prospects.*

Key words: *"Moscow triumvirate", historical and geopolitical counterparts, "strategic triangle", factors of influence, foreign policy contradictions.*

Для цитирования: *Гаспарян В.З.* Россия, Иран, Турция: проблемы и перспективы геополитического взаимодействия// Архонт, 2017. № 2. С. 37-40.